

Р. БЕНЕДИКТИ

ЭКСКУРС О ФУЛЕ У ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

*(К вопросу об архаизации при этнографических описаниях
в византийской литературе)*

Византийские историки, по образцу своих античных предшественников, описывали жизнь и обычаи варварских племен, с которыми Византийская империя общалась в течение своей многовековой истории. Эти этнографические сообщения помогают установить исторические связи между народами; с другой стороны, этнографические¹ отступления делают изложение исторических событий более ярким.

При написании своих сочинений византийцы находились под большим влиянием классиков античной историографии, главным образом Геродота и Фукидида. Византийские историки усердно изучали их труды и подражали им как в области языка и структуры сочинения, так и в способе изложения. Однако главной областью подражания классикам были этнографические описания.

Еще в древней греческой и римской литературе возникла традиция употреблять при описании жизни и обычаев варваров некоторые постоянно повторяющиеся точки зрения, которые позднее стали общими местами (τόποι)¹. Они нередко оказывали влияние и на истинный исторический сюжет, основанный на непосредственных наблюдениях. В эпоху эллинизма эти общие места стали достоянием образованных слоев общества и проникли даже в поэзию. Поскольку общие места использовались образованными византийцами при описании совершенно различных варварских племен, к их сообщениям следует относиться с осторожностью и данные необходимо во всех случаях подробно исследовать².

Архаизация в этнографических описаниях имеет место и в историческом сочинении Прокопия Кесарийского. При описании вспомогательных отрядов варваров, входивших в состав византийского войска, или варваров-неприятелей Прокопий следовал античным образцам. По форме их этнографические сообщения можно разделить на две группы: экскурсы, т. е. довольно большие и связные отрывки, сообщающие подробные известия о жизни и нравах варварских племен, и отдельные замечания,

¹ Об общих местах в этнографических описаниях см. K. Trüdinge r. Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Basel, 1918, S. 75; A. Schröder. De ethnographiae antiquae locis quibusdam communibus. Halis Saxoniæ, 1921.

² Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958², S. 199—200; A. Gráf. Antik hatások a korai bizánci történeti irodalom etnografiai tudósításáiban (= Античные влияния на этнографические сообщения в ранневизантийской исторической литературе). «Egy. Philol. Közl.», 57, 1933, p. 25.

т. е. короткие известия, где излагаются какие-либо важные подробности, помогающие уяснить основное содержание ³.

В труде Прокопия имеется пять этнографических экскурсов ⁴, которые представляют собой как по содержанию, так и по структуре независимое от исторического изложения единство, однако в то же время являются непременной составной частью всего сочинения в целом. Экскурсы отделяются от изложения предшествующих событий посредством стереотипных формул, заимствованных, за исключением немногих, из труда Геродота ⁵.

При описании легендарной Фулы и ее обитателей перед Прокопием открылось широкое поприще для употребления общих мест. По собственному признанию Прокопия ⁶, в этих отдаленных краях сам он никогда не был и не располагал о них совершенно достоверными материалами. В народе даже говорили о Фуле, как о самом далеком крае мира, о котором сложилось много легенд, возбуждавших интерес как у писателя, так и у читателя. Поэтому естественно, что в экскурсии о Фуле общие места играют большую роль, чем в остальных экскурсах.

Прокопий сообщает следующее ⁷: «Из всех варваров, живущих на Фуле, одно племя, которое называется скритифинами, ведет особенно звериный образ жизни. Скритифины не носят одежды, не ходят в обуви, не пьют вина, не добывают себе никакого пропитания посредством возделывания земли. Они сами не пахут земли, и женщины у них не знают никаких домашних работ, но мужчины вместе с женщинами заняты одной только охотой. Находящиеся там леса огромны, изобилуют дикими и другими животными, а равно и горы, которые поднимаются там. Скритифины питаются всегда мясом пойманных животных, а в шкуры одеваются, так как у них нет ни льна, ни приспособления, чтобы сучить нитки, но, связав звериными жилами кожи друг с другом, они таким образом закрывают все тело. И их младенцы вынянчиваются у них не так, как у остальных людей. Дети скритифинов выкармливаются не женским молоком и сосут они не материнскую грудь, но выкармливаются только мозгом пойманных животных. Как только женщина родит, она заворачивает новорожденного в шкуру животного, тотчас же привешивает ее к какому-нибудь дереву, кладет ему в рот мозг, а сама тотчас же отправляется с мужем на обычную охоту. Они все делают вместе и на это занятие охотой ходят вместе. Таков образ жизни этих варваров. Но другие жители Фулы, можно сказать все, не очень отличаются от остальных людей: они поклоняются многим богам и демонам (гениям), живущим на небе и в воздухе, на земле и в море, и некоторым другим мелким божествам, считающимся, что они находятся в водах источников и рек. Они непрерывно приносят всякие жертвы, приносят жертвы мертвым и героям. Из жертв они считают самой прекраснейшей принесение в жертву человека, который был их первым военнопленным. Они приносят его в жертву в честь Ареса, так как этого бога они почитают выше всех. Они посвящают этого пленника богу, не просто убивая его, как приносят жертву, но вешают его на столбе или бросают на спицы или умерщвляют какими-либо другими особыми способами, вызывающими жалость к его мучениям. Так

³ См., например, *Procop., Hist.* I, 11, 35; 12, 4; II, 25, 26—28.

⁴ *Ibid.*, I, 3, 2—7 (об эфталитах); III, 2, 2—6 (о готах); VI, 14, 1—7 (об эрулах); VI, 15, 16—26 (о Фуле); VII, 14, 21—30 (об антах и склавинах).

⁵ Н. Braun. *Die Nachahmung Herodots durch Prokop.* Nürnberg, 1894, S. 6—11.

⁶ *Procop., Hist.*, VI, 15, 18.

⁷ *Ibid.*, VI, 15, 16—26. Русский текст — по переводу С. П. Кондратьева: *Прокопий из Кесарии. Война с готами.* М., 1950, стр. 211—212.

живут обитатели Фулы. Из них самым многочисленным племенем являются гавты, у которых и поселились пришедшие сюда эрулы».

Экскурс структурно делится на две части. Это структурное расчленение отвечает и его содержанию: первая часть (§ 16—22) описывает жизнь и обычаи скритифинов (*Σκριτίφινοι*), самого дикого племени Фулы, а в другой части (23—26) речь идет об остальных обитателях полуострова. Расчленение экскурса производится посредством стереотипного оборота (§ 23): «τοῦτοις μὲν οὖν δὴ τοῖς βαρβάροις τὰ ἐς τὴν δίαιταν ταύτῃ πῃ ἔχει».

Фула является единственным местом, где Прокопий не бывал и обитателей которого он лично не видел. Поэтому αὐτοψία не может быть здесь источником, источником в данном случае являются лишь устные сообщения и литературные произведения.

Устные сообщения могли быть почерпнуты Прокопием из двух источников. 1. Еще во времена первых римских императоров с Северной Европой велась оживленная торговля, о которой, между прочим, свидетельствуют найденные на берегах Вислы римские монеты⁸. Вероятнее всего, Прокопий пользовался сообщениями торговцев и слухами, ходившими в народе, об этих отдаленных пространствах и их обитателях. 2. Значительно большее значение имеют свидетельства и сообщения, почерпнутые Прокопием от эрулов, служивших в византийском войске. В состав этих диких воинов вошли и те, которые, как сообщает сам Прокопий, убежав от гепидов в древнее свое отечество, позднее возвратились из отдаленной Фулы и нанялись на службу к византийскому императору. Прокопий по своему обыкновению⁹ расспрашивал их, очевидно, о местности и обитателях отдаленного и неведомого края. Те данные в труде Прокопия, которые расходятся с литературными памятниками, имеют своим источником, по всей вероятности, сообщения эрулов.

Из литературных источников, использованных Прокопием, обращает на себя внимание прежде всего труд Тацита «Германия». Известия Тацита о феннах¹⁰ удивительно совпадают с сообщениями первой части экскурса Прокопия о скритифинах:

Тацит

Fennis mira feritas, foeda paupertas:
vestitui pelles, victui herba

idemque venatus viros pariter ac
feminas alit; passim enim comi-
tantur, partemque praedae petunt.

nec aliud infantibus ferarum imbri-
umque suffugium, quam ut in ali-
quo ramorum nexu contegantur:
huc redeunt iuvenes, hoc senum
receptaculum

Прокопий

θηριώδη τινὰ βιοτὴν ἔχουσιν.
τὰ δέρματα ἀμφιέννυνται... οὔτε οἶνον
πίνουσιν, οὔτε τι ἐδώδιμον ἐκ τῆς γῆς
φέρουσιν. οὔτε γὰρ αὐτοὶ γῆν γεωργοῦσιν.

οὔτε τι αὐτοῖς αἱ γυναῖκες ἐργάζονται,
ἀλλὰ ἄνδρες αἰεὶ ξὺν ταῖς γυναῖξι τὴν
θήραν μόνην ἐπιτηδεύουσιν.

οὐ γὰρ σιτίζονται Σκριτιφίνων παιδία
γυναικῶν γάλακτι, ... ἐπειδὴ οὖν γυνὴ
τάχιστα τέχοι, δέρματι τὸ βρέφος
ἐμβαλομένην κρεμᾷ μὲν εὐθὺς ἐπὶ δένδρου
τινός.

Таким образом, известия Тацита и Прокопия сходятся как по своему содержанию, так и по последовательности сообщений.

⁸ E. Norden. Die germanische Urgeschichte, in: Tacitus. Germania. Berlin—Leipzig, 1920, S. 448—449.

⁹ Р. Бенедикти. Взятие Рима Аларихом (К вопросу об историографическом методе Прокопия Кесарийского). ВВ, XX, 1961, стр. 23—31.

¹⁰ Tacit., Germ., 46, 3.

Однако вопрос о связи между обоими авторами все еще является спорным¹¹.

Подобным же образом сходны первая часть экскурса Прокопия и известия готского летописца Иордана о народе скререфенна¹²: «*aliae vero ibi sunt gentes Screrrefennae, quae frumentorum non queritant victum, sed carnibus ferarum atque ovis avium vivunt; ubi tanta paludibus fetura ponitur, ut et augmentum praestent generi et satietatem ad cupiem genti*».

Сходство между сообщениями Прокопия и Иордана свидетельствует о том, что они заимствованы из одного и того же источника¹³. Этим источником было, вероятно, произведение Приска¹⁴, что подтверждается не только тем обстоятельством, что оба названных автора многие свои сведения почерпнули из труда Приска и даже сохранили из него отдельные фрагменты¹⁵, но также структурой и содержанием экскурса: первая часть, содержащая известия о скритифинах, сходится с известиями Тацита и Иордана; сведений же, имеющихся во второй части экскурса, эти авторы не знают; следовательно, описание жизни и обычаев скритифинов и у Прокопия, и у Иордана заимствовано, вероятно, из труда Приска. Остальные известия, содержащиеся в экскурсе, Прокопий почерпнул из устных сообщений.

Если принять эту гипотезу, то можно объяснить также связь между сообщениями Приска и Тацита. Приск, как придворный чиновник и ритор, должен был знать латинский язык, который в V в. являлся официальным языком в Восточной Римской империи. Сам Приск указывает на то, что он говорил по-латыни¹⁶. Таким образом, есть основания полагать, что Приск был знаком с трудом Тацита.

Уже при сравнении сообщений Прокопия и Тацита можно установить, что известия Прокопия о жителях Фулы основаны на традиционном материале и представляют собой общие места, ведущие свое происхождение в конечном счете от трудов древнегреческих классиков.

При характеристике жизни и обычаев обитателей Фулы основное внимание уделяется двум их чертам: дикости и невежеству, религии и жертвоприношениям. Обе эти черты были в древней литературе известными общими местами.

Описывая дикий и первобытный образ жизни скритифинов, Прокопий подчеркивает три момента, считавшиеся еще античными классиками характерными для племен, погруженных в глубину невежества и обитающих на отдаленных от Средиземноморья пространствах: 1) у них нет вина и хлеба, так как они не знакомы с земледелием; 2) женщины у них не выполняют домашних работ, но вместе со своими мужьями заняты только охотой; 3) младенцы вскармливается не женским молоком, а мозгом зверей.

¹¹ Б. Рубин (B. Rubin. *Procopios von Cäsarea*. Stuttgart, 1954, col. 178) предполагает связь между этими двумя авторами в том случае, если Прокопий знал произведение сенатора Кассиодора.

¹² Jordan., *Getica*, ed. Th. Mommsen, cap. 21, in: MGH, AA, Bd. V, T. 1. Berlin, 1882.

¹³ B. Rubin. *Op. cit.*, col. 178.

¹⁴ Gy. Moravcsik. *De Prisci Rhetoris fragmentis*. Budapest, 1924, p. 77 (рукопись).

¹⁵ Procop., *Hist.*, III, 3, 12—17 (ср. J. Haury. *Prolegomena XIII*); III, 4, 30—35 (ср. Gy. Moravcsik. *A csodaszarvas mondája a bizánci iroknál*. EPhK, 38, 1914, p. 333 sq.); III, 5, 22 (ср. J. Haury. *Prolegomena VII*); III, 6, 1—2 (ср. J. Haury. *Prolegomena IX—X*); III, 6, 6 (ср. J. Haury. *Prolegomena VII*). Об Иордане см. Th. Mommsen. *Prolegomena in Jordanem*, in: MGH, AA, Bd. V, T. 1.

¹⁶ *Excerpta de legationibus*, ed. De Boor. Berlin, p. 145.21. Впрочем, разговор Приска с гунном свидетельствует лишь о знакомстве с вульгарным латинским языком.

Старым и очень распространенным общим местом является сообщение, что варвары занимаются только военным делом¹⁷, презирают мирный труд и считают постыдным для себя работать¹⁸. Страбон, говоря о невежестве германцев, подчеркивает, что они не возделывают землю¹⁹; тот же автор высказывает интересную мысль, что отсутствие хлеба и вина является признаком примитивного образа жизни²⁰, хотя в нравственном смысле он считает эту примитивность добродетелью и трезвостью. Та же мысль встречается и в сочинении Юлия Цезаря²¹. Прокопий не связывает отсутствие хлеба и вина с добродетелями скритифинов, для него это является лишь характерным признаком дикого образа жизни этого племени. Впрочем, в другом месте у Прокопия встречается эта мысль: храбрость лазов он объясняет тем, что на родине этого племени ничто не родится²²; мавры, живущие в большой нужде, также не знают ни вина, ни хлеба²³. Таким образом, отсутствие хлеба и вина как признак первобытного образа жизни является общим местом античного происхождения.

При описании жизни и обычаев савроматов Геродот рассказывает²⁴, что амазонки, которые были замужем за молодыми скифами, склонили мужей порвать со своим племенем, так как они не хотели, подобно скифским женщинам, проводившим свою жизнь в телегах, выполнять домашние работы; поэтому женщины у савроматов вместе со своими мужьями заняты только охотой и войной. Описание Прокопием образа жизни женщин у скритифинов полностью совпадает с рассказом Геродота. Это показывает, что Прокопий мог заимствовать общее место для характеристики образа жизни скритифинов у Геродота²⁵.

О чрезвычайном невежестве скритифинов ярко свидетельствует сообщение о том, что они вскармливают своих детей не молоком, а мозгом зверей. Как древние греки и римляне, так и византийцы считали питание весьма характерным признаком душевного склада народов²⁶. Дикость, как мы уже говорили, связывалась с питанием мясом; отсутствие хлеба и вина свидетельствовало о невежестве, а питание молоком считалось признаком кротости и правдивости нрава. Общие места подобного рода встречаются впервые у Гомера²⁷, рассказывающего о мифических абийцах. Гесиод относит эту характеристику к скифам²⁸, вследствие чего «ἰππιο-

¹⁷ Herod., IV, 103 (Tauri); V, 6, 2 (Thraci); Thuk., I, 5, 1 (он послужил образцом для более поздних авторов); Caesar. Bell. Gall., V, 12, 2; VI, 35, 7; Tacit., Germ., 35, 3; Amm. Marc., XXXI, 2, 21 (Alani).

¹⁸ A. Schröder. Op. cit., S. 15—17. См. Herod., V, 6 (Thraci); II, 166; Tacit., Germ., 15; Amm. Marc., XXXI, 20, 2 (Alani).

Идеализация народов, не знающих земледелия, ведет свое происхождение от Гомера (см. жизнь киклопов — Od., IX, 108 sq.). Именно так изображает Гесиод золотой век (Erga, 116 sq.); Платон описывает Атлантиду (Kritias, 114 E sq.), Страбон — землю мусиканов (XV, 694), Плутарх — Испанию (Sertorius, 8), а Ямбул — некий легендарный остров (Diod. Sic., II, 57, 1), где земля родит без всякой обработки. Ср. A. Schröder. Op. cit., S. 41—42.

¹⁹ Strabo, VII, 291.

²⁰ Ibid., VIII, 304, 11.

²¹ Caesar. Bell. Gall., II, 15, 4.

²² Procop., Hist., II, 28, 27—28; I, 12, 15—19.

²³ Ibid., IV, 6, 13. О влиянии этого места у Страбона на позднейшую византийскую литературу см. G. Kazanow. Die Gesetzgebung des Bulgarischen Fürsten Krum. BZ, 16, 1907, S. 254—257.

²⁴ Herod., IV, 114—116.

²⁵ Этот же мотив использует Посидоний при описании лигийцев. Он сообщает, что женщины у них выполняют ту же работу, что и мужчины (Diod. Sic., IV, 20, 2).

²⁶ A. Graf. Op. cit., p. 29—30.

²⁷ Hom., II., XIII, 3—6.

²⁸ Hes., Erg., 189, 190.

λῆξις» и «δικαιοτάτος» стало обычным определением для скифов. Это общее место встречается также у Эсхила²⁹ и Пиндара³⁰. Геродот, упоминая об исседонах³¹, о «святых» агримпях³² и о гиперборейцах³³, говорит, что они не едят мяса; Эфор³⁴ заявляет, что они питаются лошадиным молоком, чем и объясняется их правдивость.

В эпоху эллинизма географические познания греков и римлян значительно расширились. Они познакомились с новыми народами и племенами, жизнь и нравы которых оставались долгое время малоизвестными. Однако под влиянием Посидония старые общие места применялись и к новым племенам, например к мизийцам³⁵ и бриттам³⁶. Идеализация варваров стала в Риме средством критики ошибок и недостатков общества³⁷. В период Римской империи это общее место применялось при описании германцев, пресловутых победителей римских легионов³⁸.

Как мы уже видели, во всей историко-этнографической литературе от Гомера до римлян важным положением было общее место, что правдивость и добродетельность тесно связаны с питанием молоком. Поскольку питание мясом характерно для диких и жестоких племен, наиболее глубокую степень невежества характеризовало то, что даже младенцы не выкармливались молоком, как это было с воспитанным кентавром Хироном — Ахиллом, который питался внутренностями львов и мозгом медведей и поэтому стал великим героем³⁹. Итак, характеризуя чрезвычайную дикость и невежество скритифинов, выражающиеся в том, что они не знают хлеба и вина и даже младенцы у них выкармливаются мозгом зверей, Прокопий применяет здесь древнее общее место.

В его описании религии и жертвоприношений жителей Фулы также заметно влияние античного предания. Если общая характеристика (они поклоняются многим богам и демонам, живущим на небе и в воздухе, на земле и в водах источников, рек и моря) является типичным общим местом, то в описании человеческих жертв в честь Ареса видно влияние Геродота. Прокопий пишет (§ 24): «θύουσι δὲ ἐνδελεχέστατα ἱερεῖα πάντα καὶ ἐναγίζουσι, τῶν δὲ ἱερέων σφισὶν τὸ κάλλιστον ἀνθρώπος ἐστίν, ὃν περ δоруάλτων ποιήσαιντο πρῶτον. τοῦτον γάρ τῳ Ἀρεὶ θύουσιν, ἐπεὶ θεὸν αὐτὸν νομίζουσιν μέγιστον εἶναι». В этом рассказе содержатся два положения: 1) они почитают Ареса превыше всех богов; 2) ему приносят в жертву людей. Если мы сравним это с описанием религии скифов у Геродота, то увидим, что тот говорит о предпочтении Ареса другим богам и о человеческих жертвоприношениях в его честь. Геродот пишет (IV, 62): «τούτῳ δὲ τῳ ἀκινάκῃ θυσίας ἐπετέουσιν προσάγουσι προβάτων καὶ ἵππων, καὶ δὲ καὶ τοισίδ' ἐπὶ πλέω θύουσι ἢ τοῖσι ἄλλοισι θεοῖσι. ὅσους ἂν τῶν πολεμίων ζωγρήσωσι, ἀπὸ τῶν ἐκατὸν ἀνδρῶν ἄνδρα ἓνα θύουσιν...». Тожественный способ выражения у обоих авторов доказывает, что, описывая поклонение жителей Фулы Аресу, Прокопий следовал образцу Геродота.

²⁹ Aisch., Eum., 703 sq.

³⁰ Pind., Olymp., 3, 14; Pyth., 10, 33—46.

³¹ Herod., IV, 26.

³² Ibid., IV, 23.

³³ Ibid., IV, 32—35.

³⁴ См. Strabo, VII, 302 sq.

³⁵ Strabo, VII, 296.

³⁶ Diod. Sic., V, 21.

³⁷ Cp. Hor., Carm., III, 24; Verg., Georg., III, 367; Justinus, II, 2.

³⁸ Об идеализации северных варваров см. A. Riese. Die Idealisierung der Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Literatur. Frankfurt am Main, 1875, S. 7—31.

³⁹ Apollodoros, III, 13,6.

Итак, можно считать доказанным, что сообщения Прокопия о жителях Фулы сформулированы в виде общих мест античного происхождения. Однако подробное исследование этих сообщений должно показать, что под формой общих мест скрыт истинный исторический материал.

Несмотря на то, что идентификация Фулы до сих пор представляет спорный вопрос ⁴⁰, в самом тексте труда Прокопия имеются данные, которые могут служить отправной точкой для исследования. Этими данными являются, во-первых, названия двух народов, этимологию которых можно установить, хотя их точная идентификация остается нерешенной.

Этимология имени скритифинов основывается на трех формах, сообщаемых 1) Прокопием (указ. место) — *Σκριδίφιννοι*, 2) Иорданом (указ. место) — *Scirefennae* и 3) Павлом Диаконом (*Hist. Langobardorum*, I, 5) — *Scritobini* (вариант: ~ *vini*, ~ *fini*). Основной формой этих трех имен служит форма *Scridi-finni*, хотя германский эквивалент глагола «бежать» (**scriđi* ~ *scriđa*) не передается (ср. все же англосакс. *Scridefinnas*) ⁴¹. Следовательно, у имени «*Σκριδίφιννοι*» германская этимология. Толкование же этого имени вызвало спор. К. Цейс на основе текста Сакса Грамматика толковал это имя как «ползающие финны» ⁴²; К. Мюлленгоф на основе текста Павла Диакона (см. указ. место) — как «финны, бегающие на лыжах» ⁴³. М. Шенфельд отвергает оба эти толкования ⁴⁴, но в последние годы М. Жирай и Э. Шварц считают более убедительной точку зрения К. Мюлленгофа и толкуют глагол *scriđa* как «бегать на лыжах» ⁴⁵. Идентификация самого племени также является спорной, хотя оно обычно считается финским племенем ⁴⁶ и отождествляется с лапландцами, названными германцами германским именем ⁴⁷.

Другое имя — *Γαυτοί* — также имеет германскую этимологию. Южное племя шведов именовалось *gautar* (ныне — *götar*); в нижнемецком языке это имя приняло форму *gothen*, следовательно, название *gautar* отражает состояние, предшествующее переходу звука *au* > *o*. По своему происхождению этот народ является северогерманским ⁴⁸. Этимология двух племенных названий доказывает во всяком случае, что два племени, о которых идет речь у Прокопия, не являются ученым вымыслом.

Что касается описания образа жизни обитателей Фулы, то, с одной стороны, данные, сообщаемые источниками, очень скудны и неполны,

⁴⁰ G. Macdonald. Thule. RE, II. Reihe, Hb. XI, col. 627—630. Фула — самое северное место, которого достигал легендарный Пифей; и позднее она считалась краем мира. Точно определить ее местоположение невозможно; можно лишь предположить, что она находилась в одной из трех областей, а именно — в Исландии (главным образом в средние века), Южной Норвегии или в каком-либо другом месте Скандинавии.

⁴¹ M. Schönfeld. Scridifinni. RE, II. Reihe, Hb. III, col. 893.

⁴² K. Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837, S. 684 (на основе Saxo Grammaticus. Praefatio, p. 8).

⁴³ K. Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde, II. Berlin, 1887, S. 44, Anm. 1; S. 53.

⁴⁴ M. Schönfeld. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg, 1911, S. 275 f., s. v. Fenni.

⁴⁵ M. Zsiray. Finnugor rokonságunk (Наши финноугорские родственники). Budapest, 1937, p. 280; E. Schwarz. Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1955, S. 206.

⁴⁶ I h m. Fenni, in: RE, VI, col. 2186; Wiklund. Finno-Ugrier, in: M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, III. Berlin, 1925, S. 368.

⁴⁷ M. Zsiray. Op. cit., p. 281—282; название *finn* происходит от слова *fēnp* («бродячий», «странствующий», «номадный»), выведенного из корня **pent* = *gehen*, *Pfad*; первоначально оно обозначало только лапландцев, а позднее распространилось на всех жителей Финляндии.

⁴⁸ R. Much. Deutsche Stammeskunde. Leipzig, 1905, S. 137; E. Schwarz. Op. cit., S. 85.

а с другой стороны, необходимо обратиться к источникам, независимым от античных преданий и сочинений классиков античной литературы, а именно — к трудам арабских писателей, которых очень интересовала легендарная *Thüle*, *Thulija*, как самое отдаленное пространство дальнего Севера, и которые единодушно подчеркивали невежество ее обитателей⁴⁹. Сравнение этих трудов с сочинением Прокопия показывает, что его сообщения о первобытном образе жизни фулитов не лишены достоверности: общие и скудные известия, почерпнутые им от торговцев и возвратившихся эрулов, он дополнил общими местами античного происхождения и в своем описании использовал слова и выражения Геродота.

В описании Прокопием религии и жертвоприношений фулитов, по форме являющимся общим местом, также содержится подлинная историческая канва. Поклонение многим богам и демонам свидетельствует об анимизме, свойственном религии германцев, которые считали, что у всех явлений природы имеются свои духи-покровители. Среди германцев было распространено поклонение великанам (*Riese*) и карликам (*Zwerge*), считавшимся духами гор и лесов. Они поклонялись также русалкам (*Nixen* или *Necken* < индогерм. **nig* — «мыть», «купаться») — женским духам рек и ручьев; — морским духам, изображавшимся в виде женщин с рыбьим хвостом (*Meerweiber*, *Meerfrauen*); — подземным духам (*Wichten*, швед. *Vaetter*)⁵⁰.

О человеческих жертвоприношениях в честь бога войны у германцев свидетельствует целый ряд достоверных греческих и латинских источников⁵¹; в древней литературе северных народов сохранились воспоминания о культовых жертвоприношениях вождей племен. Человеческие жертвоприношения были обычной частью богослужения у германцев⁵². Имя бога войны, *Ἄρης*, является интерпретацией в греческих источниках германского божества (*interpretatio Graeca*). Хотя интерпретации бога войны в древней литературе встречаются редко⁵³, однако в двух ех voto надписей засвидетельствован бог, идентифицируемый с Марсом и Аресом: 1) *Mars Halamard* [us] (см. Dessau, II, 456 i). Более подробных сведений об этом боге не имеется. Слово *Halamard* имеет германскую этимологию: *ala* = *all*, *ganz* + древнегерм. *mortha* = *Mord* означает *Männermordende*, «умерщвляющий муж»; 2) *Mars Thingsus* (см. Dessau, II, 4760). Слово *Thingsus* < *ping* означает *Dingversammlung*, «вече», следовательно, он является богом веча. Толкования имени различны: некоторые исследователи считают его богом, дающим власть над вечами, другие — богом военной дружины. Между тем эти толкования взаимосвязаны: для римлян *Thingsus* был только богом войны, а у германцев он являлся богом войны и права в одном лице, так как для них война представляла собой не только кровавую расправу, но главным образом вынесенное по определенным правилам решение спорного вопроса между двумя сторо-

⁴⁹ В. Rubin. Op. cit., col. 182. Ср. А. Я. Гаркави. *Θυλε* (*Thule*) в арабской литературе. СПб., 1873, стр. 5: «...Сказал Аль-Кинди: в конце обитаемой земли, на севере, находится великое море над северным полюсом. Вблизи его есть город под именем *Тулия*, за которым нет уже людских обиталищ. Его жители — несчастнейшие твари божии, и к ним не приближается ни одно судно».

⁵⁰ Jan de Vries. *Altgermanische Religionsgeschichte*, Bd. I. Berlin, 1956², S. 241—263.

⁵¹ Strabo, VII, 294 (*Kimbroi*); Tacit., *Annales*, I, 61; XIII, 57 (*Hermunduri*); Orosius, V, 16 (*Cimbri*); VII, 37 (*Radagais*); Vita B. Antonii (in: Clemen, III, 20); Vita Wulframi (in: Clemen, III, 52); Jordan., *Getica*, V, 41. О человеческой жертве, принесенной в честь Меркурия см. Tacit., *Germ.*, 9; о богине *Nerthus* см. ibid., 40.

⁵² Jan de Vries. Op. cit., Bd. I. Berlin—Leipzig, 1935, S. 251—252.

⁵³ Тацит (Tacit., *Hist.*, XIII, 5; *Germ.*, 9) упоминает о Марсе и Меркурии как богах войны; ср. Jordan., *Getica*, V, 41 — о поклонении Марсу у готов.

нами, в котором третейским судьей выступал сам бог ⁵⁴. О таком понимании свидетельствует также тот факт, что саксы подвергли наказанию каждого десятого военнопленного ⁵⁵, а франки и кимвры утопили в реке в качестве жертвы военнопленных и всю взятую ими добычу ⁵⁶. Бог Меркурий также играл роль в войне ⁵⁷. О том, что германцы почитали бога войны выше других богов, свидетельствуют Тацит ⁵⁸ и Иордан ⁵⁹.

Что касается греческой интерпретации бога войны, то общим правилом у византийцев было использование вместо варварских слов имен и выражений чисто греческих или вошедших в греческий язык слов ⁶⁰.

Таким образом, нам удалось доказать, что сообщения Прокопия о жизни и обычаях фулитов, несмотря на то, что они сформулированы в виде общих мест, содержат истинный исторический сюжет; общие места использовались византийцем, получившим классическое образование, лишь как способ выражения. Он облакал свои неполные известия и скудные данные в слова, выражения и общие места, заимствованные у Геродота и других классиков античной историографии. Отсюда следует, что античное предание представляет у Прокопия только внешнюю форму, но не затрагивает исторической достоверности сообщений ⁶¹.

Этот вывод представляется нам важным с двух точек зрения: во-первых, этнографические известия византийцев о различных варварских племенах, будучи достоверными, в значительной мере дополняют наши знания по ранней истории некоторых современных европейских народов; во-вторых, они помогают нам подробнее выяснить внутреннюю структуру византийских литературных произведений и те приемы, которые использовали византийские авторы при их написании.

⁵⁴ Jan de Vries. Op. cit., S. 170—175.

⁵⁵ Sid. Apoll., VIII, 6.

⁵⁶ Procop., Hist., VI, 25. 9—10; Orosius, V, 16.

⁵⁷ Mercurius Channo (CIL, XIII, № 7781): Channo происходит от *hen, *han, что означает töten, «убивать»; следовательно, он являлся богом смерти. Mercurius Leudisio (CIL, XIII, № 7859): Leudisio происходит от leudisjan и означает herrschen, «царствовать». См. Jan de Vries. Op. cit., S. 158—169.

⁵⁸ Tacit., Hist., IV, 64.

⁵⁹ Jordan., Getica, V, 41.

⁶⁰ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, II. Berlin, 1958², S. 7 f.

⁶¹ J. Haury. Zur Beurteilung des Geschichtsschreibers Prokopios von Cäsarea. München, 1896, S. 1—27; G. Soter. Procopius von Caesarea. BZ, 44, 1951, S. 541; Р. Бенедикти. Указ. соч.